

пович, «останется в истории примером стойкости рядового солдата, его готовности к перенесению невероятных тягот и лишения...» (002, с. 634).

В.С. Коновалов

2014.02.003. РЕЙНОЛЬДС М.А. ГИБЕЛЬ ИМПЕРИЙ: СТОЛКНОВЕНИЕ И КРАХ ОСМАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЙ, 1908–1918 гг.

REYNOLDS M.A. Shattering empires: The clash and collapse of the Ottoman and Russian empires, 1908–1918. – Cambridge: Univ. press, 2011. – 303 p.

Ключевые слова: Османская империя; Российская империя; Первая мировая война; геополитическая конкуренция; трансформация глобального миропорядка; крах империй.

В работе Майкла Рейнольдса (Принстонский университет) анализируется противостояние России и Османской империи в начале XX столетия, обусловленное столкновением их интересов в пограничных областях – на Кавказе и в Анатолии, и ставшее завершением длительной истории их противоборства. Книга, состоящая из введения, восьми глав и послесловия, посвящена истории соперничества Российской и Османской империй начиная с Младотурецкой революции 23 июля 1908 г. и заканчивая периодом Первой мировой войны. Вопреки распространенным представлениям о том, что противостояние России и Турции было обусловлено «конфликтом национализмов», Рейнольдс рассматривает их столкновение как результат геополитической конкуренции в условиях кардинальной трансформации глобального миропорядка. Несмотря на то что силы этих двух империй были далеко не равными, ни одна из них не одержала победы в этой борьбе. Парадоксальным образом, по мнению автора монографии, инстинкт самосохранения привел эти империи к краху. Боязнь распада империи подвигла младотурецкую элиту на разрушение традиционного имперского порядка в своей державе; стремление же России максимально обезопасить свои южные рубежи побуждало ее стремиться к дальнейшему расширению государственной территории, ресурсов для которого уже не было, и тем самым приближать гибель империи. Противостояние разрушало эти две империи; они, в свою очередь,

несли неисчислимые бедствия народам, населявшим их приграничные области.

Практически одновременный крах трех казавшихся достаточно мощными многонациональных империй – Российской, Османской и Австро-Венгерской дал основание многим исследователям предположить, что основной причиной падения всех этих империй стал подъем национализма в условиях становления нового мирового порядка, основой которого стало признание принципа национального самоопределения как основы для государственного строительства. Возникновение после Первой мировой войны и в середине XX в. именно на этнической основе множества новых государств на обломках рухнувших империй в Евразии и на Ближнем Востоке рассматривается обычно как проявление неодолимой силы национализма, оказавшегося способным смести ранее существовавшие многонациональные государства. Именно с этим Рейнольдс связывает то, что последнее десятилетие Османской Турции обычно рассматривается не как завершающий этап длительной имперской истории, но скорее как «прелюдия к возникновению (или возрождению) нескольких самостоятельных национальных государств; соответственно, акцент при рассмотрении данного периода турецкой истории делается на пробуждение этнонационалистических устремлений, зарождение и развитие националистических движений на территории империи. Таким образом историки, изучающие турок, арабов, армян, албанцев и т.д., анализируют последние годы Османской империи как эпоху конкуренции национализмов» (с. 3). Кажущаяся вездесущность национализма приводит к тому, что некоторые историки фактически уподобляют его непреодолимым силам природы.

Однако М. Рейнольдс в своем исследовании отказывается от подобной национально-исторической перспективы и считает необходимым анализировать события в Османской империи и граничивших с ней регионах Российской империи как результат взаимодействия двух *государств-акторов*, рассматриваемых в глобальном геополитическом контексте. Именно межгосударственное соперничество, а не этнонациональные движения представляются автору ключом к пониманию тех событий, которые происходили в пограничных регионах этих империй в начале XX столетия. В то же время Рейнольдс стремится рассмотреть и то, каким образом динамика

глобального межгосударственного соперничества влияла на региональные повестки дня, в частности содействуя формированию новых политических идентичностей.

М. Рейнольдс подчеркивает, что система международных отношений конца XIX – начала XX в. была многополярной: не существовало одного или двух государств, по своей мощи явно превосходивших всех остальных. Такая многополярность предоставляла Османской империи возможность играть на противоречиях между центрами силы; в этой игре турки за долгое время стали настоящими мастерами. Однако чем дальше, тем более явным становилось то, что именно Российская империя становилась не только самым большим, но и самым опасным конкурентом Турции. Прежде всего, именно Россия непосредственно граничила с Османской империей и неуклонно выдавливала ее с Балкан и Кавказа. При этом, в отличие от другого соседа и конкурента – Австро-Венгрии, Россия очевидно набирала силу. Конечно, Турцию в ее противостоянии с Россией не раз поддерживали Великобритания и Франция; при определенных обстоятельствах такое могло произойти и в будущем. Однако, как подчеркивает Рейнольдс, эти державы имели и собственные экономические и геостратегические амбиции в регионе и нередко реализовывали их в ущерб турецким интересам, как, например, в 1878 г., когда Великобритания установила контроль над стратегически важным Кипром – такой оказалась плата за ее дипломатическую поддержку Турции против России.

В этой геополитической ситуации естественным союзником Турции становилась Германия. Она была богата и мощна, при этом не имела границ с Османской империей и не посягала на ее владения. Как и Стамбул, Берлин был заинтересован в ослаблении экспансии других европейских держав на Ближнем Востоке. Что важнее всего, эти державы сблизала глубокая обеспокоенность возвышением России. Наконец, немало немецких мыслителей на рубеже XIX–XX вв. считали возможным использовать потенциал пан-исламистских идей как революционной силы, способной подорвать позиции Российской и Британской империй, а также Франции с ее обширными колониальными владениями. Эта доктрина была поддержана кайзером Вильгельмом II, заявившим в ходе своего визита в Сирию, что все 300 миллионов мусульман на планете обрели в его лице вечного друга.

Рассматривая отношения России и Османской империи с момента Младотурецкой революции до июльского кризиса 1914 г., положившего начало мировой войне, автор стремится определить «структурные и системные детерминанты, которые формировали российско-турецкие отношения на межгосударственном уровне, или на уровне “высокой политики”». Рейнольдс использует понятие «соревновательной анархии» («competitive anarchy») для характеристики природы международных отношений в этот период, когда Порты и Петербург выстраивали отношения друг с другом, стремясь к максимальной безопасности для себя. «Несмотря на то, что Россия превосходила по своей мощи Османскую империю, угрозы безопасности России, порожденные ее конкуренцией с другими великими державами, вынуждали Россию занимать достаточно агрессивную позицию в отношении переживавшей не лучшие времена Турции. Нельзя сказать, что взаимная симпатия и добрая воля напрочь отсутствовали в отношениях между элитами двух государств, однако этого было явно недостаточно для обеспечения дружественных межгосударственных отношений в контексте глобальной политики» (с. 19).

Переходя далее к анализу того, как Россия и Турция стремились обеспечить свою безопасность на уровне региональной, «низовой» политики («low politics»), Рейнольдс подчеркивает, что, в отличие от государств-наций, где достаточно однородное по своему этническому составу население управляется выстроенными в рамках единой схемы государственными структурами, империи имеют в своем составе территории не только с преобладанием тех или иных этнических групп, но зачастую и со специфическими структурами управления, которые не всегда действуют согласованно с имперскими властями, а порой даже в чем-то конкурируют с ними. Это обстоятельство делает империи особенно уязвимыми. А российско-турецкая граница в начале XX в. разделила некоторые народы между двумя государствами, что стало предпосылкой для возникновения ситуации, в которой каждая из сторон стремилась дестабилизировать пограничные области соседнего государства, рассчитывая таким образом реализовать свои геополитические интересы. Рассматривая российскую политику в отношении Восточной Анатолии, Рейнольдс считает, что Россия стремилась стимулировать развитие локальных идентичностей и их конкуренцию

внутри Османской империи, продвигая концепт национальной идеи. Поскольку царские чиновники уже видели, как развитие национального самосознания народов, населявших Российскую империю, меняло политическую ситуацию в их собственной стране, они рассчитывали, что подобная политика обеспечит серьезные проблемы турецким властям. Такие представления во многом определили стратегию и тактику российской политики в отношении Восточной Анатолии, где Россия делала ставку на местных курдов и иные национальные группы.

Вступление Османской империи в Первую мировую войну не было обусловлено панисламистскими или пантюркистскими амбициями; оно, по мнению М. Рейнольдса, было тщательно продуманным решением, призванным упрочить безопасность Турции. Вступление в войну рассматривалось турецкими властями как оптимальная возможность использовать противоречия великих держав в собственных интересах и обеспечить для Турции по завершении войны продолжительный период стабильности, который должен был быть использован для осуществления жизненно важных преобразований без иностранного вмешательства.

«Решение Османской империи вступить в войну на стороне Германии было абсолютно рациональным в условиях, когда Турция находилась в настолько затруднительном положении, что была не только не в состоянии защитить себя от возможного вторжения извне, но даже провести внутривнутриполитические реформы, направленные на укрепление государственности, в условиях активной подрывной деятельности. Мощная, богатая и в то же время территориально удаленная Германия рассматривалась Турцией как лучший противовес России, ее главной экзистенциальной угрозе, а также Великобритании и Франции, которые ранее уже захватывали турецкие владения и стремились к новым территориальным приобретениям. Война на европейском континенте повышала геополитический вес Османской империи, а также давала основания Энвер-паше рассчитывать на укрепление своих внутривнутриполитических позиций» (с. 138).

Однако у Турции не было четкого плана военных действий в отношении России. Когда задержка вступления в войну Болгарии блокировала возможность наступления турецких войск через Балканы в направлении России, турецкие и немецкие военные специа-

листы рассматривали различные варианты морских и сухопутных операций в районе Черноморского побережья России, однако пришли к выводу, что логистические и иные сложности делали их невыполнимыми. Таким образом, Кавказ и Иран оказались единственно возможным театром военных действий Османской империи против России.

Несмотря на то что для России Кавказский фронт был не самым важным, русские войска сумели нанести ряд серьезных поражений туркам и продвинуться как вглубь Анатолии, так и вдоль черноморского побережья. В дипломатическом отношении это позволяло России в будущем рассчитывать на уступки со стороны англичан и французов по вопросу о контроле над Стамбулом и проливами, а также над значительной частью Восточной Анатолии. Однако единства мнений среди российской элиты по вопросу о том, как распорядиться плодами этих побед, не было. Отчасти Рейнольдс связывает это с тем, что Россия, вступая в войну, не имела четких планов относительно будущего данного региона. Многие представители высшей российской бюрократии без энтузиазма относились к перспективе аннексии Восточной Анатолии, прежде всего потому, что считали армян одним из самых беспокойных народов и полагали, что Армения для Российской империи станет бременем и источником всевозможных осложнений. Поэтому вплоть до 1916 г. официальная российская позиция сводилась к тому, что после войны Восточная Анатолия вернется под номинальный контроль Османской империи, однако российские власти создадут особую структуру для контроля над местной администрацией.

Как показано в монографии, Турция стремилась оказывать влияние на российских мусульман в надежде превратить их в орудие подрывной деятельности против имперских властей; в этих же целях турки пытались наладить отношения с националистическими украинскими и грузинскими организациями и понтийскими греками.

Война, по мнению автора, во многом трансформировала понимание национальной идеи и легитимности. В этой связи массовое истребление армян, находившихся под турецкой властью, и начавшаяся тюркизация Анатолии в годы войны представляются автору не проявлениями агрессивного национализма, а спланированной акцией, призванной обеспечить реализацию государственных интересов Османской империи.

Анализируя политику Турции в отношении революционной России в 1917–1918 гг., Рейнольдс исходит из того, что турецкие власти рассматривали ослабление России как временное явление и потому стремились, используя представившуюся возможность, извлечь из этой ситуации максимум выгод для себя. Политика Османской империи в этот период не имела никакой идеологической мотивации, – это было прагматичное стремление воспользоваться изменениями в региональном балансе сил. Турки теперь стремились не просто восстановить границу с Россией на Кавказе по состоянию на 1914 г., вернув потерянные в ходе войны территории, но и аннексировать провинции, когда-то входившие в состав Османской империи – Карскую, Ардаганскую и Батумскую, а также создать на Кавказе одно или несколько буферных государств прежде, чем новая российская власть сможет укрепить свои позиции. В связи с этим появление Грузии, Армении и Азербайджана как независимых государств рассматривается М. Рейнольдсом не столько как результат развития национального самосознания народов Кавказа, сколько как следствие конкуренции крупных держав в условиях становления новой системы регулирования международных отношений.

Турецкую экспансию в Азербайджан и Дагестан в 1918 г. автор опять-таки рассматривает не в категориях этнорелигиозной солидарности, а как последовательную реализацию геополитических императивов, продолжавших определять политику Османской империи, главным из которых являлось стремление обеспечить существование независимых азербайджанского и северокавказского государств как «страховки» от будущего возрождения России.

К лету 1918 г. турецкие власти рассматривали Великобританию и своего номинального военного союзника Германию как потенциальные угрозы сохранению Османской империи. Понимая, что война в скором времени завершится подписанием мирного договора, турки стремились максимально использовать свое временное доминирование на Кавказе, чтобы попытаться установить такой послевоенный порядок, который минимизирует российское, немецкое и британское влияние в регионе, обеспечив существование международно признанных независимых государств в Грузии, Армении, Азербайджане и на Северном Кавказе. Это разительно отличало турецкую политику в отношении данных государств

ных образований от того курса, который младотурки проводили в отношении «реаннексированных» бывших турецких провинций – Карса, Ардагана и Батуми.

«Вступая в войну, турецкие лидеры сделали высокие ставки и в результате проиграли все. Единственным достижением Османской империи в итоге оказалось то, что она пережила Российскую империю и сумела на короткое время создать для себя буферную зону на Кавказе. Но уже Мудросское перемирие перечеркнуло все эти достижения и положило начало распаду Османской империи». В соответствии с условиями перемирия, заключенного представителями Антанты и Турции в порту Мудрос 30 октября 1918 г., «Османская империя обязывалась эвакуировать все свои войска с Кавказа и из Ирана, отведя их за линию довоенных границ; кроме того, ей было предписано ликвидировать все гарнизоны в Хиджазе, Асире, Йемене, Сирии, Киликии и Ираке, в портах Триполитании и Киренаике. Кроме того, страны Антанты получили право установить контроль над Босфором и Дарданеллами, а также над Батуми; Турции запрещено было претендовать на оккупацию Баку. Перемирие также предоставило право союзным державам занять шесть восточно-анатолийских провинций, на которые заявила свои права Армения... в случае возникновения там каких-либо беспорядков, и, наконец, ввести войска в любую точку Османской империи в случае, если державы-победительницы сочтут, что оттуда исходит угроза их безопасности» (с. 252). Лидеры младотурок вынуждены были с позором бежать из Стамбула; в скором времени были убиты все члены правившего в годы войны Турцией «триумvirата» – Энвер-паша, Талаат-паша и Джемаль-паша. Это стало началом крушения Османской империи. Британия продолжала поддерживать (еще с 1916 г.) выступление бедуинских племен против имперских властей, провозглашенное англичанами «Великой арабской революцией»; эта поддержка не ослабла и после окончания Первой мировой войны, причем англичане стимулировали этническую дифференциацию арабов и их национальные чувства, с тем чтобы обеспечить в итоге отделение арабских территорий от Османской державы. Наконец, британцы оккупировали Стамбул и разместили свои войска на всем протяжении Транскавказской магистрали, заполняя тем самым вакуум, оставшийся здесь после коллапса Российской империи.

В послесловии М. Рейнольдс проводит параллели между развитием Советской России и кемалистской Турции в 1920-х годах. Обе эти страны, являясь наследниками рухнувших империй, вынуждены были адаптироваться к изменившейся и крайне неблагоприятной для них геополитической ситуации, что подтолкнуло их к сотрудничеству друг с другом. Кроме того, как советские лидеры, так и Ататюрк со своим окружением осознавали необходимость проведения всесторонних и радикальных реформ не только системы государственного управления, но и экономических, культурных и, в целом, общественных отношений ради выживания их государств. При этом Рейнольдс полагает, что кемалисты активно использовали опыт внутренней политики советского руководства и, более того, «их вдохновляла сама советская модель ведомого государством развития (“state-led development”»)» (с. 259).

С.В. Беспалов

2014.02.004–005. ОБРАЗЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОЗНАНИИ ЕЕ УЧАСТНИКОВ И НАШИХ СОВРЕМЕННИКОВ. (Сводный реферат).

2014.02.004. ЧЕРНИЛОВСКИЙ А.А. Образ Первой мировой войны в сознании военной элиты Российской империи / Гос. ун-т – Учеб.-науч.-произв. комплекс. – Орел, 2011. – 204 с. – Библиогр.: с. 191–204 и в примеч.

2014.02.005. БЕЛАШ Е.Ю. Мифы Первой мировой. – М.: Вече, 2012. – 416 с. – (Военный архив).

Ключевые слова: Первая мировая война; Россия; взгляды и настроения правящей элиты; современные стереотипы Первой мировой войны.

Монография д-ра ист. наук, преподавателя Государственного университета в г. Орел А.А. Черниловского (004) посвящена анализу представлений военной элиты России рубежа XIX–XX вв. начиная от зарождения противоречий с Германией в 70-е годы XIX в. и заканчивая Февральской революцией. Книга состоит из трех глав, приложения с материалами о структуре военной элиты и библиографии.

Первая мировая война по своим масштабам и жертвам во много раз превзошла все ожидания, перечеркнула все прогнозы и